или обрабатывать землю феодала. С другой стороны, крестьянин, переходивший под власть феодала со своей землей, также оказывался в тисках „благодеяний“ своего феодала. Под власть феодала переходила сперва земля крестьянина, устанавливались феодальные формы землевладения, крестьянин оказывался на земле феодала и вынужден был именно за эту землю платить феодалу отработочным трудом или оброком. В обоих случаях феодал изображал себя „благодетелем“ крестьянина, оказывал ему „милость“ и „покровительство“.

Как бы ни были разнообразны те пути, которыми феодалы подчиняли себе сельское население, из всех путей больше всего нуждался в идеологической пропаганде путь патроната. Мы не в состоянии сейчас ответить на вопрос о том, какой из путей создания феодально зависимого сельского населения был наиболее эффективным, но в идеологической пропаганде только путь патроната сыграл значительную роль: все формы феодального насилия подводились под этот патронат, изображались „кормлением сирот“. Литературу раннефеодального периода и периода феодальной раздробленности без этого понять невозможно, что особенно ясно в свете очень важных указаний К. Маркса о том, что всякий новый господствующий класс стремится выдвинуть „общенародные“ идеи для утверждения своего господства. Эти идеи иллюзорны, они ведут к обману народных масс, но на первых этапах утверждения нового общественного строя эти „общенародные“ идеи могут быть в какой-то степени правдивы. „Дело в том, что всякий новый класс, который ставит себя на место класса, господствовавшего до него, уже ради осуществления своих задач вынужден изобразить свой интерес как общий интерес всех членов общества, т. е., выражаясь идеально, придать своим мыслям форму всеобщности, изобразить их как единственно разумные, общезначимые. Класс, совершающий революцию, — уже по одному тому, что он противостоит *классу*, — с самого начала выступает не как класс, а как представитель всего общества; он представляется в качестве всей массы общества в противовес единственному господствующему классу. Происходит это оттого, что вначале его интерес действительно более связан еще с общим интересом всех остальных, не господствующих классов,[1] не успел еще под давлением отношений, существовавших до тех пор, развиться в особый интерес особого класса“.[2]

Идеи княжеской, феодальной „защиты“ своих смердов, „сирот и вдов“ выходили далеко за рамки патроната. Они обращались ко всему эксплуатируемому населению, каким бы путем ни попало это население в зависимость от феодала. Это находит себе объяснение в том, что основой власти феодала над крестьянином была собственность феодала на землю. Свою землю феодал-землевладелец отдавал в качестве надела крестьянину, и этот надел позволял крестьянину вести свое частное хозяйство. Это наделение землей крестьянина феодал-землевладелец пытался изобразить как величайшее благодеяние со своей стороны, как „защиту сирот“ (крестьян) от других таких же феодалов, стремился „блюсти смерд“ от различных насилий и принуждений, которые были обычны в обстановке феодальной неустойчивости и феодальной раздробленности власти.

---

[1] Пометка Маркса на полях: «(Всеобщность соответствует 1) классу против сословия, 2) конкуренции, мировому общению и т. д., 3) большой численности господствующего класса, 4) иллюзии *общих* интересов. Вначале эта иллюзия правдива, 5) самообману идеологов и разделению труда)».

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология, стр. 38.